

Здравствуй, читатель!

Я для тебя написала эту книгу. И для всех-всех людей.
Потому что я хочу подарить то чудо, которое есть у меня.
Пусть оно будет общее, наше.

Всю свою жизнь я живу в замечательном мире – среди полей, лесов, деревень на далёких холмах, петляющих рек, загадочных оврагов. Бываю я и в городах, но этот свободный мир земли мне дороже. Он – моё главное чудо.

А какие удивительные звери окружают меня! Лось, задумавшись, стоит на опушке, в траве крадётся кошка, рыжий красавец-лис рысцой бежит по лесной тропинке. В широких лугах храбрый пёс стережёт стадо пугливых овец. В овраге старается, роет-копает свою нору чёрный бархатный крот, у ручья щиплет траву белоснежная коза...

А за моим домом, в густом саду, у старой вишни, попискивает в траве маленький мышонok. Он не просто так попискивает. Он что-то рассказывает своему брату.

Вот о нём, об этом маленьком мышонке, написала я книгу для тебя, читатель.

И о чудных зверях, ставших его друзьями, и об огромном прекрасном мире русской деревни. Для мышонка этот мир вообще гигантский! Даже опасный...

Как же в нём жить такому малявке? А жить в нём очень здорово, если у тебя открытая душа и горячее сердце.

Впрочем, что я тебе рассказываю? Читай, и сам всё узнаешь.
В добрый путь!

Анастасия Коваленкова

*Деревням Жевнево, Лужки,
Яропольцы и их жителям
посвящаю я эту книгу*

ВЕЧЕР ЗАЦВЕТАЮЩЕЙ ВИШНИ.

Поздним майским вечером в деревне Лунёво затопили печи. Ждали заморозка.

Но белые столбы дыма, поднимаясь из труб, шли почему-то не вверх, а изгибались пушистыми толстыми хвостами, заворачивали вниз и расплывались в садах за домами душистым туманом. Издалека деревенские избы стали теперь похожи на ссорящихся котов, что стоят на холме, выгнув хвосты.

В дымном тумане, плывшем среди вишнёвых стволов, слышались писк и шебуршание. Маленькие дырочки в земле были почти незаметны. А каждая дыра вела в нору. А в каждой норе жили мыши. И во всех мышиных семьях сегодня шумели, галдели и дурачились. Мыши праздновали Вечер Зацветающей Вишни. Так уж заведено, что в этот вечер маленьким мышатам давали имена. Всю весну безымянным малышам строго запрещалось отходить от норок. Зато завтра, когда вишня распустится, каждый мышонок с именем сможет сам гулять среди этой красоты.

То тут, то там из норы высовывалась довольная мордочка и в сумерках звенело:

— Терентий-Терентий-Терентий!

Потом кто-то дёргал малыша за хвост, тот проваливался в нору, а на его месте появлялся нетерпеливый брат.

— Ефим-Ефим-Ефим-Ефим! — пыхтел он.

Так мышата пробовали свои имена на вкус.

Вот какое веселье происходило сегодня в садах деревни Лунёво.

И только в норе под старой вишней никто не веселился.

Мама дрожащими лапами по третьему разу перебирала запасы. А Папа стоял посреди гостиной и нервно грыз кончик собственного хвоста.

И было из-за чего! Уже темнело, а их маленький сын до сих пор не вернулся домой.

— Пропал! Опять пропал! — сокрушался Папа.

Да, один из двух мышат, появившихся на свет этой весной, упорно исчезал из норы. И было совершенно непонятно куда,

потому что найти его не удавалось. Мышонок возвращался сам, а на расспросы, где пропадал, махал лапкой куда-то вдаль и говорил только одно слово: «Там!»

И чем только его не пугали! И про кошек рассказывали, и про сов, и про лисиц — ничего не помогало. Мышонок убежал и убегал.

Вот и сегодня он пропал ещё утром.

Вначале Папа сердился, потом успокаивал Маму. Потом бегал по норе и кричал. К вечеру Папа совсем потускнел. Его уши и усы печально обвисли. Родители были в отчаянии.

В это самое время у входа в нору под старой вишней стояли два мышонка и тихо переговаривались.

— А Папа сильно ругается? — спросил один.

— Теперь уже даже и не ругается. А днём — ого-го как ругался! — прошептал второй. — Бегал по норе туда-сюда и про вишню кричал.

— А что кричал?
— «Вишня распускается, а его нет!» кричал. А ты где был?
— Сам знаешь где — там, — мышонок махнул лапкой в сторону. — Смотри, уже совсем зацветает!

Оба мышонка поглядели вверх. Высоко над ними, в темноте, среди чёрных вишнёвых веточек розовели бутоны. Казалось, что они светятся изнутри.

— Вот-вот... — прошептали мышата и один за другим нырнули в нору.

Мышиная нора начинается длинным коридором, который ведёт в гостиное гнездо. Оттуда есть маленькие лазы в детское гнездо, спальное гнездо и ещё множество ходов в запасные коридоры и кладовки. Ходы обложены сухой травой, а гнёзда — мягкой шерстью зверей, на которых охотится Папа. Папа пока не рассказывал, как выглядят эти звери. Ясно только, что они удивительные, потому что шерсть их бывает зелёной, синей, фиолетовой, а иногда даже красной. Зовут зверей таинственно: Кофта и Свитер. Ещё мышата знали, что Кофту найти легко и окраска у неё самая разная. Свитер попадаетея реже, и мех у него не такой яркий, зато очень тёплый. Гостиная в их норе была обшита мехом редчайшего Красного Свитера.

Сердитый Папа на фоне Красного Свитера выглядел устрашающе.

— Я даже не спрашиваю тебя, где ты был! — сказал он.

— Там, — пискнул мышонок.

— Да уж мы заметили, что не тут. А ты знаешь, что все чуть с ума не сошли?! И какой сегодня вечер, ты тоже знаешь?!

— Знаю, — прошептал мышонок.

— Но ты не знаешь самого печального, — грозно сказал Папа. — Так вот, знай, что из-за твоего безобразия я смог придумать всего одно достойное имя. И получил его твой брат. Теперь его зовут Никанор. А для тебя у меня есть только возмущение, а имени нет. И что мы будем делать?

Мама стояла у Папы за спиной и гладила его лапами по плечам, пытаясь успокоить.

— Может, Илюша? — предложила она.

— Ну какой он Илюша?! — вскричал Папа. — Да ты посмотри на него! Носится непонятно где! Такой вот сорвиголова по имени Илюша?

В норе стало тихо.

Папа смотрел на сына грустными глазами.

Мышонок тоже взглянул на Папу снизу глазами-бусинами и вдруг выпалил:

— Папочка, миленький, а можно я буду Там?

— Где там? Опять там??? — взревел Папа.

— Нет, ты не понял, не понял, — заторопился мышонок, — не «там» в смысле «где»! Можно у меня будет такое имя — Там? Мышонок Там, понимаешь?

— Мышонок Там? — Папа озадаченно почесал за ухом. — Мышонок Там... Странно как-то. Хотя... Там... А вообще есть такое имя? — обернулся он к Маме.

— Вполне может быть, — миролюбиво сказала Мама. — Очень решительное имя — Там. Ты же хотел решительное?

— Ну, пусть будет Там, — Папа устало махнул лапой. — И вообще, называйтесь вы как хотите. Никакого порядка в семье...

— Ну что ты, дорогой, — сказала Мама, — теперь всё в полном порядке. Там, Никанор, ну-ка, шагом марш ужинать и спать.

Мышата лежали в детском гнезде и шептались.

— Завтра гулять будем... — мечтательно вздохнул Там.

— Тебе-то что, ты и так каждый день гуляешь, — возразил Никанор.

— А хочешь, секрет скажу? — спросил Там.

— Ну?

— Я, если честно, сам ещё нигде не был.

— Как не был? Ты же всегда говорил, что был там. То есть далеко где-то.

— Я так говорил, чтоб никто не догадался. А сам даже от норы не отходил.

— Как не отходил? — Никанор сел на подстилке и уставился на Тама.

— Понимаешь, я только смотрел туда, вдаль. Я на вишню лазил.

— На нашу вишню?

— Ага. Залезал на самый верх, сидел там и глядел.

— А разве это интересно, вот так сидеть и смотреть?

— Ещё как! Знаешь, сколько всего видно? За деревней слева река течёт, там пляжи рыжие-рыжие, а справа — другая река, у неё берега крутые, в них птички живут, прямо как мы, в норках. А за садами нашими лес сосновый, зелёный такой и густой-густой, а под холмом — поля, большущие, а вот уже за дальними полями вообще синий лес растёт.

— Синий-синий? — зевнул Никанор.

— Синий-пресиний, — прошептал Там.

Он свернулся калачиком, поудобнее обернулся хвостом и принялся мечтать: «Завтра я обязательно в этот синий-пресиний синий лес...»

Но додумать мечту Там не успел, потому что уснул.

